

VÁRADI-STERNBERG JÁNOS : SZÁZADOK ÖRÖKSÉGE

Tanulmányok az orosz-magyar és ukrán-magyar kapcsolatokról.
Gondolat - Kárpáti, Budapest - Uzsgorod, 1981. 372 p.

Как личные впечатления, так и знакомство с печатной продукцией Советского Закарпатья убедительно показывают, что 150-тысячное венгерское население области - это не просто национальное меньшинство /с точки зрения украинцев, издавна составляющих здесь большинство населения/, или немаловажная этническая масса /при взгляде с нашей стороны/. Оно, при выполнении обеих этих "ролей" представляет собой еще и серьезную базу для интенсивной научно-исследовательской работы по изучению прошлого, в частности, уз, веками соединявших многонациональное население этого края.

Имя автора рецензируемой книги - одно из первых, с которым у венгерских историков и филологов ассоциируется упоминание о Советском Закарпатье. Оно стало широко известным благодаря его многочисленным статьям в венгерской научной периодике последнего десятилетия, а также книгам, вышедшим в совместном венгеро-советском издании.

Будучи еще студентом Ленинградского университета, Я. И. Штернберг на лекциях академика Е. В. Тарле приобщился к проблемам истории Восточной и Центральной Европы, а затем надолго отдался делу изучения русско-венгерских и украинско-венгерских культурных связей, начиная с кандидатской диссертации, защищенной более четверти века назад. В ней он анализировал русско-венгерские контакты периода борьбы Ференца Ракоци II за венгерскую независимость. И если в настоящее время мы знаем относительно полную картину интенсивной дипломатической деятельности Петра I и Ракоци II по отношению друг к другу, то в этом необходимо признать почти исключительную заслугу автора - уже профессора Ужгородского государственного университета. Он - автор раздела 18 в. в трехтомной "Истории Венгрии", изданной Академией наук СССР. Ученая степень доктора наук была присуждена ему в 1970 году за обобщающий синтез по истории общественных и культурных контактов между Россией и Венгрией во второй половине 19 - начале 20 вв.

То, в чем автор по свидетельству уже третьей своей книги такого типа, может давать по-настоящему много нового и для венгерских исследователей, это неустанное раскрытие данных, тающихся в глубине советских архивов. Уже в статьях 50-60-х гг., а затем в книгах 1971 и 1974 гг.* он многое сделал для обогащения наших представлений о русской "форту-не" Ш. Петефи и И. Мадача, М. Йокаи и Й. Этвеша так же, как и относительно мира представлений А. С. Пушкина и И. Франко, Г. В. Плеханова и В. И. Ленина о венграх.

Новый труд ученого /"Наследие столетий. Исследования в области русско-венгерских связей"/ суммирует важнейшие его изыскания последних лет по тем трем основным историческим периодам, на которые в первую очередь распространяются его обширные научные интересы.

Первую треть книги, как бы в подтверждение мысли о "неугасающей силе первой любви" составляют статьи о периоде Ф. Ракоци II. Как не историк, в работах о венгеро-русских переговорах 1707 г. и последовавшем за ними договоре я с большим интересом знакомлюсь с вводимыми впервые в научный оборот моментами из писем и бумаг Петра Великого, из Архива древних актов и т.д.: они проливают новый свет на стремления обеих сторон и расширяют наше представление о движущих силах эпохи. Но как филологу мне из этого круга особенно близки две статьи. В одной автор знакомит со своим вкладом в венгерскую историческую иконографию - с открытым им изображением Ф. Ракоци II работы украинского художника Василя Петрановича, излагает подробную историю создания и прилагает /к сожалению, не цветную/ репродукцию картины.

* Utak és találkozások /Tanulmányok az orosz-ukrán-magyar kapcsolatok köréből/. Kárpáti könyvkiadó, Uzsgorod, 1971. 144 p.

Utak, találkozások, emberek. Írások az orosz-magyar és ukrán-magyar kapcsolatokról. Kárpáti - Gondolat, 1974. 318 p.

/Она хранится в музее г. Олешка близ Львова/. В другой на широком фактическом материале /от санктпетербургских "Ведомостей", отклики которых были подробно освещены в книге 1974 г., через Ф. Глинку, А. С. Пушкина и до Е. В. Тарле/ находим обзор русской историографической, беллетристической и даже музыкальной литературы об описываемой эпохе. Небезынтересно отметить, в частности, русские оперы и балеты первой четверти 19 в., посвященные И. Текели и Ф. Ракоци II. Одно из этих произведений /балет "Венгерская хижина"/ было прорецензировано самим Н. М. Карамзиным.

Вторая часть содержит интересные, нигде кроме этой книги недоступные данные к истории отношения России к венгерской революции и освободительной войне 1848-49 гг. Почти полсотни страниц дипломатических донесений, архивных данных, мемуарных подробностей доносят до нас неизвестные ранее отклики самых различных кругов русского общества на интервенцию царской армии. В числе новых моментов узнаем, например, что Ф. И. Тютчев как дипломат, с относительно небольшого расстояния изучавший венгерскую революцию, уже в апреле 1848 /1/ года подает царю мысль о вмешательстве в ход событий. Не менее интересны и те отклики /как в верхах, так и в низах/, которые, хоть и по различным, а то прямо противоположным соображениям, осуждают шаг Николая I. Объективно многосторонняя та панорама мнений, особенно в рядах армии, которая создается под пером автора. /Постепенно, почти незаметно для нас вырисовывается тот фон, из которого возникло усердие нашего известного писателя Белы Иллеша, создавшего в свое время миф о "капитане Гусеве"/. И даже в высказываниях революционных демократов о венгерском вопросе, казалось бы, уже насквозь изученных и опубликованных, автор находит немало достойного новой оценки. Другая интересная работа содержит небольшие, но полные новых данных очерки о розысках, объявленных русскими властями против руководителей революции в 1849 году, о цензурных донесениях относительно книг Л. Кошута и Й. Этвеша, Ф. Пульски и М. Хорвата,

а также о стихах Ш. Петефи. Маленькая, но характерная деталь - газетное объявление о двух форинтах, присланных капитаном царской армии-армянином в пользу фонда памятника Петефи - хороший пример того, насколько автор уважает даже незначительные вроде факты, могущие служить отправным пунктом для его неброских, но всегда убедительных обобщений.

Почти половину книги составляет третья часть - Писатели, поэты, ученые. Здесь мы находим четыре типа исследований.

К первому относятся очерки, продолжающие публикации автора о деятелях русской и украинской культуры, в разное время побывавших в Венгрии. В этом кругу, безусловно, наиболее интересна насыщенная фактами и новыми аспектами история пребывания в 1745-50 гг. знаменитого украинского философа Григория Сковороды в нашей стране, названной им "моя милая Хунгария", даже если вопрос о типологической близости обстоятельств жизни и идей Сковороды и его современника - венгерского писателя-просветителя Д. Бешшенеи поставлен, как нам кажется, еще несколько схематично.

Второй тип рисует обратные дороги - венгров в Россию. Андраш Дешко был одним из /многочисленных/, как показали исследования Л. Тарди/ венгерских ученых, нашедших вторую родину в России 19 века. Окончив Киевский университет, он работал в Симбирске, затем Пскове, где и написал первую грамматику венгерского языка для русских. В центре статьи стоит, совершенно справедливо, не эта грамматика /хотя тот факт, что рецензировал ее Н. Г. Чернышевский, сам по себе заслуживает внимания/, а реляции Дешко со знаменитыми русскими мыслителями эпохи.

История Дешко - уроженца Закарпатья представляет, собственно, уже переход к третьему типу исследований, к очеркам о контактах на местной, закарпатской почве. Из этого цикла целиком к истории венгерской литературы относится написанное о Ф. Казинци и М. Фазекаше, Ш. Петефи и Эрвине Сабо.

Для филолога наибольший интерес представляют работы четвертого типа - собственно историко-литературные изыскания типологического и контактологического характера.

"Петефи и Шевченко - К истории одной параллели". В этом небольшом очерке прослеживается путь этой типологической дефиниции как бы обратно во времени, вплоть до 1877-78 гг., когда, почти одновременно, но совершенно независимо друг от друга, она возникает в России, в письме поэта И. З. Сурикова и в Венгрии, на страницах первого в мире журнала по сравнительному литературоведению "Üsszehasonlító Irodalom-történeti Lapok".

Богатый архивный, дневниковый и эпистолярный материал использован в работах о Л. Н. Толстом. Правда, не всегда это одинаково глубоко, как это приходится констатировать о статье "Толстой и Петефи". Но последнее скорее исключение в сборнике, ведь например то, что читаем на тему "Толстой, венгерские назарены и Иштван Темеркенъ", это не просто свежее прочтение напечатанного русскими и венгерскими исследователями вопроса, а аргументированное обогащение новыми, раскрытыми автором кардинальными данными.

Две статьи различных аспектов посвящены М. Йокаи. В первой прослеживаются иностранные источники одного из многочисленных рассказов писателя на тему о русской истории, посвященного частому герою Йокаи Е. Пугачеву /1864/. Достоверность как фактического изображения, так и авторских оценок в произведении венгерского писателя позволяют Я. И. Штернбергу параллельное рассмотрение рассказа с лучшими произведениями русской литературы на эту тему - А. С. Пушкина. Из второй мы узнаем не только то, что переводчицей романа "Новый помещик" на русский язык была дочь декабриста Петра Свистунова Мария, учившаяся фортепианной игре в Будапеште у Ф. Листа. Не менее интересно и то, что выясняется в ходе исследования как бы "между прочим" /конечно, в науке этих "между прочим" мало бывает, откуда наши кавычки/: в качестве одного из общих источников для своих романов о декабристах и Йокаи, и Толстой использовали сведения, полученные от Петра Свистунова; венгерский писатель, естественно, конечно, через его дочь.

Тематические границы сборника простираются от далекого 18 века вплоть до наших дней. Для своего современника и земляка-ужгородца, известного поэта и переводчика венгерской литературы на украинский язык /в том числе "Витязя Яноша" и "Апостола" Петефи, "Тольди" и баллад Я. Араня, "Будь честным до конца" Ж. Морица, "Книги Ионы" М. Бабича, "Народа степей" Д. Йеша/ Юрия Шкробинца автор находит здесь точное оценочное определение места в ряду крупных интерпретаторов, в ряду, соединяемом именами И. Франко с одной, и М. Рыльского и П. Тычины с другой стороны.

Непропорционально малое место, отведенное рецензии, не позволяет раскрыть всего фактического богатства книги Я. И. Штернберга, многие проблемы просто остались даже без упоминания. Деятели контактологии, исследователи истории венгерской, русской и украинской культуры, равно как и все, интересующиеся нашим прошлым, найдут намного больше, чем нами затронуто, при обращении к самой книге.

И. Феньвеш